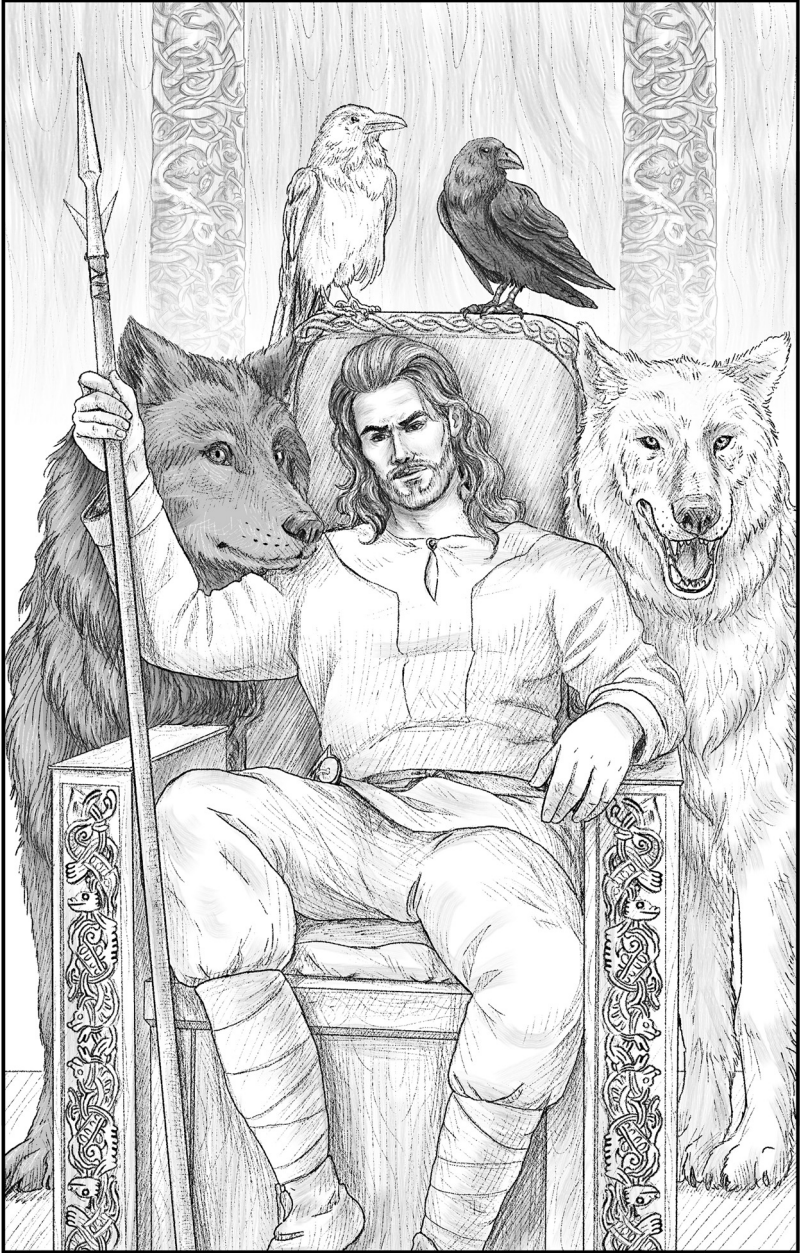

♦ ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ: ♦

- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего Олега
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Зимний престол
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Волки Карачуна
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Стрела разящая
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Огненные птицы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две зари
•
Гуннхильд, северная невеста
•
Венец Прямыславы
•
Тайна древлянской княгини
•
МАЛУША. За краем Окольного
•
МАЛУША. Пламя северных вод
•
ПРЕКРАСА. Дар берегину
•
ПРЕКРАСА. Последняя заря
•
СВЕНЕЛЬД. Зов валькирич
•
СВЕНЕЛЬД. Путь серебра
•
СВЕНЕЛЬД. Хазарский меч
•
СВЕНЕЛЬД. В полночь упадет звезда
•
СВЕНЕЛЬД. Оружие вельвы
•
СВЕНЕЛЬД. Янтарный след

Елизавета Дворецкая

СВЕНЕЛЬД

ЯНТАРНЫЙ СЛЕД

Москва 2024

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии Д. Сазонова
Иллюстрация на переплете *Нисмианы*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Свенельд. Янтарный след / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2024. — 512 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-199458-7

Несколько лет назад молодой торговец Ульвар ушел в море и пропал. Его жена, Снефрид, отправляется за Восточное море, чтобы найти его. Богиня Фрейя обещает ей покровительство в этом пути: у них одна беда, Фрейя тоже находится в вечном поиске своего возлюбленного, Ода. В первом же доме, где Снефрид останавливается, ее принимают за саму Фрейю, и это кладет начало череде удивительных событий: Снефрид приходится по-своему переживать приключения Фрейи, вступая в борьбу то с норнами, то с викингами, то со старым проклятьем, стараясь при помощи данных ей сил сделать мир лучше.

Но судьба Снефрид — лишь поле, на котором разыгрывается очередной круг борьбы Одина и Фрейи, поединок вдохновенного разума с загадкой жизни и любви. История путешествия Снефрид через море, из Швеции на Русь, тесно переплетается с историями из жизни Асгарда, рассказанными самой Фрейей, историями об упорстве женской души в борьбе за любовь.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199458-7

© Дворецкая Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Часть первая

Средний Мир, Свеаланд

- **Е**два смею верить своим глазам! Неужели передо мною та знаменитая женщина!

Слово «знаменитая» незнакомый мужской голос произнес с таким выражением, будто знаменита женщина была такими делами, что не делают ей чести. Но этого и следовало ожидать.

Снефрид обернулась.

— Да, это перед тобой Снефрид Серебряный Взор! — подтвердил Асвард Соболю. — А это — Хлэдвир Жгучий.

По первому взгляду Снефрид подумала, что Хлэдвир получил свое прозвище за цвет волос: светло-рыжие, задорно вьющиеся пряди длиной ниже плеч, золотистая борода. Но тут же передумала: выражение желтовато-карих глаз его было насмешливым и вызывающим. Продолговатое лицо с высокими скулами и немного впалыми щеками, большие, глубоко посаженные глаза, курносый нос с шишкой на переносице, видимо, от перелома, смешно торчащие уши — далеко не красавец, однако Снефрид не отказала бы Хлэдвиру в своеобразном обаянии, если бы его не портило враждебное, презрительное выражение лица.

Хлэдвир в свою очередь окинул Снефрид беззастенчивым оценивающим взглядом, и рыжеватые брови, вычерченные невысокой ровной дугой, удивленно приподнялись. При том, что он о ней слышал, он ожидал увидеть женщину иного склада. В Снефрид было что-то от клинка из серебра: белая кожа, светлые волосы, светло-серые с серебристым от-

ливым глаза, черты правильные, но жестковатые для женщины, с немного угловатым подбородком и слегка впалыми щеками.

— Привет и здоровья тебе, Хлёдвир! — Снефрид улыбнулась, и едва склад ее ярких, довольно пухлых губ из насмешливого сделался приветливым, как все лицо волшебным изменилось: смягчилось, засияло трогательным доверием. — Мы будем попутчиками до самой Альдейгьи?

— Эта женщина едет к своему мужу, — пояснил Асвард. — А он побывал в том большом походе на сарацин, так что не следует тебе, Хлёдвир, на пустом месте делать его своим врагом.

— Мой муж тоже торговец, — добавила Снефрид, намеренно не замечая недоверия в глазах Хлёдвира. — Несколько лет я ничего не знала о нем, но недавно он прислал мне весть. Он нашел новое место для жизни, в Гардах, где пушнина дешевле, и вызвал меня к себе, когда устроился.

— Я слышал, его ограбил Эйрик Берсерк? Из-за этого он стал искать себе новое место?

— Да, три лета назад. Без товара он не смог вернуться домой и ушел в поход, чтобы поправить свои дела.

— И поэтому же Эйрик взял тебя... под крыло? — С откровенной издевкой Хлёдвир положил руки на пояс. — Кто бы мог подумать, что «морского конунга» может мучить совесть из-за того, что он кого-то ограбил!

— Не забывай, что ради Снефрид Эйрик конунг выпустил нас из Бьёрко без выкупа, — напомнил третий их товарищ, Кетиль Пожар, и похлопал Хлёдвира по спине. — Так что ты хорошо сделаешь, если придержишь свой змеиный язык. Поди-ка лучше посмотри, что там в доме, не страшно ли туда зайти.

— Видно, уж очень он хотел, чтобы ее скорее увезли подальше... — пробормотал Хлёдвир, отходя от них.

Невозмутимая улыбка Снефрид, ее пронизательный, чуть снисходительный взгляд отбили у него охоту язвить: она явно не нуждалась в его одобрении, чтобы чувствовать себя уверенно. Нападки не удивили Снефрид: не у всех хватит

смелости вслух намекать ей на недавнюю связь с Эйриком, нынешним конунгом половины Свеаланда, но думают об этом все, от самого Асварда Соболя, главного среди стюриманов трех больших торговых кораблей, до последнего его раба.

Но гораздо лучше, чтобы ее считали любовницей Эйрика — они оба постарались, чтобы все выглядело именно так, — чем подозревали об истинной природе их связи, в которой любовное влечение было лишь малой частью.

Знакомство Снефрид с Хлэдвигом Жгучим произошло под конец первого дня путешествия. Утром отойдя от причалов знаменитого вика Бьёрко, весь день корабли шли между островами, большими и малыми, где то и дело под прикрытием скал пропадали ветер и приходилось браться за весла. Асвард говорил, что выйти в открытое море им удастся только утром третьего дня. Первую ночь предстояло провести на острове, где всегда останавливались торговые гости. Островок назывался Гостиным, а еще — Торкелев Двор. Был он довольно мал и гол, как многие ему подобные; на нем никто не жил, но тем не менее имелись деревянные причалы и просторное строение — гостевой дом. Завидев корабли, с соседнего острова, побольше размером и обитаемого, приехал хозяин — Торкель Хромой, давний знакомый Асварда. Он привез дрова и бочку свежей воды — на Гостином островке ни того ни другого не было. Швартовочные тросы прикрепили к палам, приезжие сошли на берег, и на причале близ плоского каменистого берега Снефрид познакомилась с Хлэдвигом — владельцем одного из двух других кораблей, Асвардовым фелагом¹.

Хлэдвир направился по каменистой тропе от причалов к гостевому дому, а Снефрид снова посмотрела на море. Только миновала пора самых коротких ночей, вечера еще были долгими и светлыми. Солнце, выточенное из янта

---

¹ Фелаги — компаньоны по торговой поездке, могли совместно владеть товаром, кораблем и так далее. (Здесь и далее примечания автора.)

ря, медленно садилось в той стороне, откуда они пришли, плавая в разливе света. Сгущались облака, отделяя золотисто-рыжую нижнюю область неба от верхней, голубовато-серой. Проходя сквозь облака, солнечные лучи вздымались серовато-синими столбами — чем выше, тем шире. Один, в середине, был так велик, что напоминал человеческую фигуру, и Снефрид при виде его подумала о Фрейе. Вот она — шествует над морем в ее бесконечном поиске возлюбленного, не зная устали, ведомая надеждой. Снефрид невольно вздрогнула и ощутила, как защипало глаза от слез.

На острове Алсну, где Снефрид жила перед отъездом, имелось святилище близ трех старых курганов и скалы тинга — бревенчатое строение на вершине холма, под высокой крышей, без передней стены и с выложенным из камня жертвенником внутри. В середине стоял деревянный идол Тора, по бокам от него — Фрейр и Фрейя. Госпожа Халльдис, главная жрица Ховгорда, привела сюда Снефрид и посоветовала:

— Поговори с нею. Попроси о помощи в твоём пути — у вас ведь с богиней одна и та же беда.

Снефрид вылила на жертвенник молоко и медовую брагу, положила три лепешки. Халльдис негромко стучала в бубен, иногда издавая тихие, протяжные, бессловесные восклицания. Снефрид стояла перед жертвенником, зажав в кулаке старый янтарный пряслень своей матери, подвешенный к нагрудной застёжке.

— О Фрейя Ванадис, Великая Диса, заложница ванов! Славься, прекраснейшая из богинь, о чьей любви издавна мечтают боги, люди, карлы и великаны. Ты знаешь, что воля норн лишила меня всего, что у меня было в родных краях, и вынудила покинуть дом. Как и ты, я отправилась искать моего мужа, Ульвара, что ушел в странствия и пропал. Оберегай меня в этом пути, возлюбленная Ода, помоги добраться невредимой до Гардов и найти там моего мужа.

Бубен негромко рокотал, в этот ритмичный звук резкими стежками вплетались крики чаек над близким морем — веч-

ные, как сам ветер... Чайки, духи дальних дорог, радовались, что Снефрид надолго отдается в их власть, и она ощущала, что ее собственные глаза под опущенными веками наливаются этой же морской синевой...

* * *

А ночью — последней ночью, которую Снефрид провела в Кунгсгорде на острове Алсну, — ей приснилась Фрейя. Богиня имела облик молодой женщины, красивой какой-то тревожной красотой, один глаз у нее был ярко-голубым, а другой — черным, и от взгляда их трепетала душа, охваченная сразу ужасом и восхищением. Под тонким зеленым платьем ясно вырисовывались очертания тела, отчего красота богини становилась сокрушительной; как волны жара пробегают по горящим головням, делая их то багряными, то черными, так ее платье переливалось оттенками зеленого, переходящими в серое и белое. Она была будто земля и вода весной: верхний слой нагрет солнцем, а изнутри пробивается холод недавней зимы. Неощутимый ветер трепал пряди ее волос, цветом как лунный свет, а по лицу пробегала рябь, словно по отражению в воде, но Снефрид понимала: это она видит трепет самой души богини. Чем больше она старалась взглядеться, тем сильнее облик Фрейи расплывался, и лишь в краткие мгновения тот ветер стихал, позволяя глазу охватить его целиком.

— Когда обмен заложниками состоялся, поначалу я жила одиноко, — заговорила Невеста Ванов, глядя куда-то в сторону и предаваясь воспоминаниям для самой себя. — Асы построили мне дом на окраине Асгарда, и поначалу в нем обитали со мной только валькирии. Дисы тогда жили в стволе Иггдрасиля, а норны — в Источнике Мимира. Число валькирий постоянно уменьшалось: вопреки своим обещаниям, Один опять стал переманивать их к себе, едва мы водворились в Асгарде. Не добившись моей любви, он продолжал отнимать у меня власть и уважение. Он обещал моим девам честь, почет, веселье у него в Валгалле, рядил их в кольчуги

и шлемы, давал им щиты и копья, называл Шлемоносными Девами, льстил им, обещая, что отныне кольчуга всегда будет зваться «платьем валькирии», а копье — «прялкой Гёндудль». Все больше их покидало меня, чтобы поселиться с ним. Ты знаешь — многих женщин тянет к мужчинам не любовная страсть, а желание сравняться с ними, хотя бы уподобиться им: так женщинам кажется, что они стали настоящими людьми. . . Не так-то легко сознавать свое достоинство, оставаясь тем, что ты есть. Даже младшая из Дев Источника, твоя прапрабабка Скульд, покинула меня и ушла к Одину. . .

Пока Фрейя говорила, ее голубой глаз темнел, постепенно становясь таким же черным, как другой; от нее повеяло холодом, тонкие пальцы, сомкнутые на коленях, приобрели ледяную белизну и хрупкость. Побледнело и зеленое платье, а волосы богини вились вокруг ее лица, будто лунный ветер.

— Но это было еще не все, а только часть его замысла. Еще до моего переселения в Асгард Один, меняя облик, спустился в Средний Мир и, прикидываясь великим смертным воином, учил молодых мужчин создавать особые воинские союзы, которым взялся покровительствовать. Молодые воины посвящали себя ему, а он давал им звериную силу в бою, выносливость и неуязвимость. Он научил их боевому кличу «Один владеет мной!» и по этому кличу узнавал своих, чтобы поддерживать их в битве. А валькирий он подучил выбирать на поле только сынов Одина-Бурого. Скоро его палаты наполнились: все больше валькирий переселялось к нему, они приносили воинов, вскоре ему пришлось пристроить к Валгалле новые покои, чтобы всех вместить. День и ночь там шумело веселье, то пиры, то сражения, а мой дом оставался почти пустым. . .

Облик богини совсем заволокло туманом, доносился лишь голос — звонкий и печальный, от него пробирала дрожь, как если бы на теплую кожу падали капли талой воды.

— Однажды я нашла возле Источника необычное подношение — золотой браслет с драконьими головками на концах, сделанный с большим искусством. В глаза драконов были вставлены капли бирюзы. Мне часто жертвуют дорогие

вещи, и я нахожу их возле Источника, но такую красоту редко приходится видеть. Думаю, это сотворили dwarves, руками смертных мастеров столь тонкая работа недоступна.

Асы тоже так подумали.

— О Фрейя, с обновкой! — воскликнула Фригг, когда мы вечером сели за стол в Чертоге Радости. — Была у dwarves?

Я не сразу поняла, что она имеет в виду, но увидела, как захихикали богини.

— Нет, нашла возле Источника. Но может быть, тот, кто послал мне эту вещь, заказывал ее у dwarves.

Фригг только покачала головой. С тех пор как я поселилась в Асгарде и вошла в число асов, она стала получать по большей части ткани и пряжу, а драгоценности достаются мне.

Этим дело не кончилось. Через какое-то время я получила другой браслет — его принес мне Ульв Черный, когда вечером прибежал из Мидгарда. Положил у ног и исчез. Браслет был еще лучше первого: широкий, узорный, а на застежке маленький золотой лев с гранатовыми глазами — как живой! В Чертоге Радости у всех богинь и даже кое у кого из богов глаза на лоб полезли от зависти. Думаю, любая из них сама за такое переспала бы с парочкой dwarves.

— Кто же дарит тебе такие подарки? — прищурился Тюр.

— Я не знаю! Может быть, Один, ты знаешь?

— Да. — Он кивнул. — У тебя завелся преданный почитатель, и он мне известен. Я уже какое-то время приглядываю за ним. Из него может выйти толк.

— Кто же это? — заговорили за столом. — Расскажи скорей!

— Его имя Од, он сын Торстейна, конунга гаутов. Еще совсем молод, но показал себя отважным и удачливым воином. Вот эти браслеты — из его военной добычи.

— Тебя ведь он тоже не обидел подношениями? — спросила я, стараясь не показать, как довольна, что меня почитает такой доблестный молодой воин.

— Конечно. Я получил от него немало быков, баранов и пленников. А украшения он бережет для тебя, мне

ведь они не нужны. Он чтит меня, как полагается, но тебя любит больше. Впрочем, я не в обиде! — Один многозначительно двинул бровью, давая понять, что известного рода любовь земных мужчин ему не нужна.

Я засмеялась, но имя юного героя запомнила. К тому же два браслета дивной красоты не давали мне его забыть — я носила их постоянно и все любовалась тонкой работой и блеском чистого золота.

И вот однажды я вдруг услышала такой мощный зов — в мое имя вплетались любовь и боль, что делало призыв подобным острой стреле. Было самое начало лета, когда все уже зеленеет, но жара еще не душит, каждый лист источает свежесть, и сам солнечный свет особенно чист и ясен — кажется, что ты вдыхаешь этот свет и он очищает тебя изнутри. Откликнувшись, я вдруг оказалась на каменном жертвеннике среди березовой рощи, пронизанной косыми лучами вечернего солнца. Жертвенник был уже довольно старый, впитавший дух многих подношений, и оттого его камни источали жар.

Передо мной стоял он — молодой рослый мужчина. Продолговатое, довольно широкое лицо с крупными чертами, прямые темные брови сходятся к переносице, глубоко посаженные глаза светло-серые, с легким голубым отливом, длинные русые волосы, небольшая русая бородка. Его мускулистые плечи дышали звериной мощью, чему помогала и довольно густая темная поросль на широкой обнаженной груди. Он был красив той грубоватой красотой, в которой главенствует мужественность; в нем не было ничего от изящества Бальдра, чертами лица и особенно выражением глаз он напоминал моего брата Фрейра, только без его солнечного сияния — плоть от плоти земли. Всякий привлекательный мужчина похож на Фрейра, его привлекательность и есть дух Фрейра в нем.

Вид у него был потрясенный — он меня увидел. А я увидела кое-что другое. В его руках была целая охапка багряно-алых цветов сон-травы с золотыми сердцевинками. Они уже полностью раскрылись и стали похожи на звезды. Но сок этих

стеблей и лепестков ядовит, не зря же это прекрасное растение посвящено мне. Мало какой цветок сравнится по красоте с этими звездами на толстых стебельках — белыми, желтыми, розовыми, лиловыми, фиолетовыми, синими, голубыми. Они бывают алыми, как заря, а бывают черно-багровыми, как запекающаяся кровь, только серединка у них всегда желтая, будто золотое кольцо. Сон-трава лечит бесплодие у женщин и холодность у мужчин, она навеивает вещие сны и позволяет увидеть во сне будущего супруга, даже обручиться с ним, подарив цветок, но прикосновение сока к коже обжигает и ранит, как самая острая стрела любви обжигает сердце. Цветы сон-травы нельзя рвать голыми руками. А он держал их именно так, да еще и прижимал эту добычу к груди.

Я спрыгнула с жертвенника и шагнула к нему.

— Давай сюда! — Я решительно отобрала у него всю охапку цветов — мне-то они не могут причинить вреда — и бросила на жертвенник. — Нельзя же брать их голыми руками! Разве ты не знаешь — травницы рвут сон-траву только в рукавицах, а потом сушат!

— Это сон-трава?

Он смотрел на меня в изумлении — не понял, откуда я взялась, ведь для него я появилась прямо из воздуха.

— Да, ее еще называют «ведьино зелье». Ты разве не знал?

— Нет. Просто.. я сам как во сне. Я сплю, да? Эти цветы такие красивые. Я видел во сне Фрейю, у нее на голове были эти цветы..

Он перевел взгляд на мои волосы, где с двух сторон сверкали кустики цветов сон-травы: изнутри их лепестки были белыми, а снаружи — бледно-лиловыми и бледно-голубыми, оттеняя цвет моих глаз.

— Но вот у тебя же..

— Мне можно, меня они не обожгут. А с тобой что теперь, посмотри!

Я взяла его руки и перевернула. На широких загорелых ладонях виднелись яркие красные пятна ожогов. И на загорелой коже мускулистой груди тоже.

— Разве не видишь — ты обжегся их ядовитым соком!

— А я думал, это мое сердце горит... от любви. — Он улыбнулся своей ошибке.

— Сейчас пройдет!

Держа его ладони в своих, я подула на них, шепнула несколько слов. Красные пятна исчезли.

В это время Локи, где бы он там ни был, внезапно подпрыгнул, хватаясь за свою задницу, — ожоги перешли туда, как маленький привет от меня.

— И вот здесь. — Мой почитатель опустил голову и взглянул на свою грудь.

Я положила туда ладони. Было приятно прикоснуться к нему, ощутить теплую гладкую кожу, крепкие мышцы, и меня наполнило сладкое волнение. Весь его облик дышал молодой мужской силой, и я так же не могу не откликнуться на нее, как сухая солома не может не откликнуться огню.

Разговаривая с ним, я немного изменила свой облик. Будь я смертной, мне бы сейчас дали лет семнадцать-восемнадцать. Светлые волосы, голубые с бирюзовым отливом глаза, немного вздернутый нос, золотистые брови, золотистые веснушки на носу и на щеках. Приглушив божественный огонь в глазах, я сделала взгляд спокойным, внимательным и приветливым. Именно такую деву — юную и красивую, заботливую и дружелюбную, мудрую и ласковую — видит в мечтах всякий молодой воин, но лишь избранным эта мечта является наяву.

— Ну что, уже не болит?

— Кожа — нет. А сердце... теперь болит еще сильнее.

Он накрыл мои руки своими, не сводя изумленных и восторженных глаз с моего лица, и от острого, пристального взгляда его суровых глаз меня пронизал чувственный трепет. Это был тот самый взгляд мужчины, что внушает женщине и страх перед его мощью, и сладкое желание покориться ей — то божественное желание, что продолжает жизнь на земле в ее лучших образцах. Он был полон мужской силы и мог служить безупречным ее воплощением. Мало что в мире может порадовать меня больше, чем встреча с таким

человеком, — моя стихия откликается этой силе, как вода откликается блеском солнечному лучу. И, как вода под солнцем, моя душа заискрилась счастьем.

— Кто ты, госпожа? — хрипло от волнения прошептал он; я всем существом ощущала горячее биение его сердца. — Фрейя послала тебя.. ко мне?

— Ну конечно! — Я подняла лицо и улыбнулась, глядя в его суровые, потрясенные глаза. От непривычного восторга они казались растерянными.

— На земле не может быть таких.. ты так молода и уже так искусна.. в целительстве.. Я не раз бывал ранен, но ни разу не встречал таких, кто может исцелить боль.. прикосновением.. взглядом.. Или ты моя спедиса, и боги послали тебя мне на помощь?

Я провела рукой по выпуклым мышцам его груди и правда заметила несколько уже заживших шрамов.

— Кто же ты такой?

— Я — Од, мой отец — Торстейн, конунг гаутов. Я собираюсь в новый поход. Завтра мы будем приносить жертвы Одину, Тору, Тюру и Ньёрду, чтобы послали нам хорошую погоду на море, легкий путь и удачу в бою, а сегодня я хотел наедине поговорить с Фрейей.. Все мои победы я посвящаю ей, ей отдаю лучшее из добычи. У меня с прошлого похода осталась еще одна вещь, самая лучшая. Я хотел отдать ее сразу после похода, но моя мать просила меня оставить это для свадебного дара. Я было ее послушался, но теперь подумал: если я погибну в этом походе, пусть лучше этот дар достанется той..

Он кивнул на жертвенник. Я обернулась и увидела то, что не заметила раньше. Там лежало золотое ожерелье невероятно тонкой работы. Его составляли два золотых обруча, расположенных один над другим, а пространство между ними было заполнено тоже золотым сквозным узором. В самой середине сидел, скрестив ноги, какой-то мужчина с длинными волосами и бородой, а по сторонам от него люди с волчьими головами боролись с драконами. Золотые фигурки были усажены небольшими камешками бирюзы, а по обручам, об-